

Дмитрий Фурман

Несостоявшаяся революция

Политическая борьба в Азербайджане (1988—1993 годы)

Азербайджанские события последних лет, как бы много ни писали о них наши газеты, окутаны глубоким туманом. Впрочем, история любой страны и любого общества имеет, как айсберг, «подводную часть», скрытую от глаз летописцев. И все же, если говорить о современной нам истории, то в России, Прибалтике или на Украине «на поверхность» выплывает значительно больше, чем в Азербайджане. Это более открытые общества, со значительно большей степенью «саморефлексии», с другим уровнем социологии и журналистики, и даже тайны постоянно открыто обсуждаются в газетах и журналах...

В Азербайджане ситуация — совершенно иная. Здесь самые важные события вершатся во тьме, определяясь разного рода неофициальными связями и тайными сделками, проникая в прессу лишь самой поверхностной и формальной стороной и обрастая громадным клубом сплетен, домыслов и мифов. Сумгаит, январские дни 1990 года в Баку, свержение А.Муталибова, а затем А.Эльчибея — все это события, большая часть которых так и осталась в тени, «за кадром».

Но моя задача — отнюдь не разгадка многочисленных азербайджанских тайн. Я стремился лишь наметить самые общие контуры современной азербайджанской истории, общую логику событий. Сделать это возможно (в какой-то мере), несмотря на наличие громадной «подводной части», ибо в эту общую логику вписывается и само существование «теневой истории».

Современная история Азербайджана лежит одновременно в двух плоскостях. Если рассматривать ее как часть советской и постсоветской истории, перед нами предстает один из национальных вариантов умирания и распада коммунистической системы. Для истории же азербайджанского народа события последних лет — определенный этап (причем этап, форма которого во многом определяется внешними для Азербайджана факторами), которому культурное своеобразие азербайджанцев придало особую окраску.

О нем, об этом своеобразии, стоит поговорить особо. Это сложная структура, состоящая из ряда факторов, из которых, очевидно, самый важный и глубокий — принадлежность Азербайджана к мусульманской культуре. Но его влияние не связано непосредственно с воздействием мусульманской религиозности. Азербайджанское общество очень секуляризовано, роль религии здесь невелика, и угроза здешнего «исламского фундаментализма» — столь популярная в 1989—90 годы в нашей прессе тема — есть лишь порождение русских и европейских страхов, не имеющее ничего общего с реальностью. Однако ислам на протяжении столетий формировал культуру и психику азербайджанцев, и все они, и верующие, и неверующие, находятся под его воздействием, а развитие этой страны — один из вариантов развития мусульманских обществ.

Поэтому для того, чтобы в какой-то мере разобраться в том, что происходит в Азербайджане, мы должны затронуть хотя бы поверхностно проблему особенностей социального влияния ислама.

Мухаммад, основатель ислама (не Сын Божий и не Бог, а лишь пророк, Божий посланник), одновременно был успешным политическим деятелем, сплотившим арабские племена, создавшим новое общество и государство. Его «откровение» содержит многочисленные предписания, в соответствии с которыми должна идти жизнь этого общества и из которых впоследствии развились обрядово-правовые системы шариата. Не определяя государственное устройство, не регламентируя и не легитимизируя сакрально высшую государственную власть, Коран и шариат, однако, подробно регламентируют строй повседневной жизни людей, их быт. Особенно четко и подробно шариат определяет все, что связано с семьей, с порядком вступления в брак, наследования и т.д. И эта регламентация имеет ряд важнейших социальных и политических следствий.

Наличие сакральной правовой системы, не предполагающей сословных делений (которых и не могло быть в арабском обществе времен Мухаммада), относящейся одинаково ко всем мусульманам, не позволяло и в дальнейшем сложиться жесткому сословному делению. Единственная «аристократия», имевшая сакральное обоснование в исламском мире, — это потомки пророка. Разумеется, «аристократии» возникали, но их возвышение зиждилось не на каком-либо сакральном или особом правовом основании, а просто на факте богатства и власти определенных родов, закрепленном традицией. Социальная мобильность в исламском мире была неизмеримо выше, чем в средневековом христианском, и разного рода ханы и беки не могли так жестко и четко выделиться из массы народа, как дворянство в христианском мире (как не знал ислам и особо, сакрально выделенного духовенства).

Отсутствие ясной сакральной легитимации приводило к относительной неустойчивости государственной власти, которую могли захватывать все, кто имел достаточно силы, вплоть до рабов (рабские династии в Индии, Египте). Но эта неустойчивость компенсировалась громадной устойчивостью быта, регламентируемого не государством, а вечным законом шариата.

Очевидно, здесь — основная причина все большего отставания в развитии мусульманских обществ от христианских. Во многих аспектах средневековые мусульманские общества были ближе к современному общественному строю, чем средневековые европейские. Это отсутствие жесткого сословного деления, прочная идея правления в согласии с общиной, единая для всех мусульман и значительно более рациональная и гуманная, чем средневековое европейское право, система шариата, значительно большая веротерпимость — и к другим религиям и к «внутрирелигиозным» различиям... Но социальная жизнь европейских обществ была куда более открыта для нововведений, чем у мусульманских народов.

В исламском мире поражает сочетание крайне бурной политической истории с «неподвижной», мало изменяющейся системой повседневной жизни народа. Государственная власть при всем деспотизме мусульманских владык (чья жестокость часто связана с отсутствием четкой религиозной легитимации их власти, относительной неустойчивостью их положения) не могла вторгаться «слишком глубоко» в регламентируемый шариатом строй повседневной жизни. Мусульманские народы больше жили, с одной стороны, — в «общемусульманском» мире, допускавшем неизмеримо больше, чем христианство, внутрирелигиозных различий, но сохранявшем ощущение своего единства, подкрепляемое не только общими религиозными основаниями, но и олицетворявшем это единство институтом хаджжа, а с другой — в маленьких семейно-клановых, племенных и локальных мирках с устойчивым и «вечным» бытом. Отсюда и проистекает относительно безразличная лояльность мусульманских обществ к власти, которую ни в коем случае нельзя истолковывать как «рабскую» преданность, ибо когда власть начинала затрагивать сакральные основы повседневной жизни, эта лояльность легко сменялась активным сопротивлением. Точно так же относительно легко мусульманские общества от спокойной и «монотонной» жизни под эгидой центральной власти переходят к анархической борьбе всех против всех, когда эта центральная власть почему-либо исчезает и ничто больше не регулирует и не сдерживает противоречивые интересы и соперничество отдельных маленьких клановых мирков.

Естественно, что в силу особой роли этого сплава общемусульманского и клановых «самосознаний», а также в силу относительной отсталости и традиционности исламских обществ национальные самосознания в мусульманском мире развиваются

под европейским влиянием относительно поздно и замедленно, преодолевая сильное «сопротивление материала». Лишь с большим трудом прививаются здесь (несмотря на правовой эгалитаризм ислама) и современные демократические формы политического устройства.

Это сочетание погруженности в маленькие родственные, соседские и племенные мирки и безразлично лояльного отношения к власти мы видим и сейчас в среднеазиатских мусульманских обществах, где советская система сохраняется почти без изменений и после распада СССР. И здесь же мы видим, как легко происходит переход от «дремлющего» состояния общества к кровавой анархии — в Фергане, Оше, Таджикистане. Очень много черт азербайджанского общества роднит его с другими мусульманскими обществами бывшего СССР. Однако «позднесоветская» и «постсоветская» политическая история Азербайджана все же очень отличаются от истории других мусульманских народов. Отчасти эти отличия объясняются действием внешнего, армянского фактора, о чем будет говориться дальше, отчасти — особенностями азербайджанской истории и культуры.

Становление национального самосознания у азербайджанцев шло очень своеобразным путем. В отличие от их соседей — персов и турок — азербайджанцы не знали в средневековой истории государственности, более или менее совпадающей с их этносом. Азербайджан всегда или был разделен на маленькие ханства, или становился окраинной частью великих империй.

Культура азербайджанцев крайне неоднородна, их этнос очень сложен, и тюркский пласт — лишь последний из многих пластов азербайджанской культуры. (Так, скажем, средневековые поэты Азербайджана писали на персидском, их причисление к азербайджанской классике происходит лишь в советское время.) При этом тюркский язык сочетался с преобладанием шиизма и вовлеченностью Азербайджана скорее в персидскую культурную орбиту. Естественно, что чувство «мы — азербайджанцы» приходит очень поздно (и совершенно несопоставимо по определенности и интенсивности с чувством «мы — армяне» их ближайших соседей).

Азербайджанец прошлого века определял себя как мусульманин, шиит или суннит, говорящий на тюркском (или, как его называли, татарском) и происходящий из такой-то местности и такого-то рода, а не как азербайджанец. «К какой нации ты принадлежишь, Мамед?» — «Слава Богу, мусульманин», — приводит диалог турецкого паши и солдата-азербайджанца в одной из своих статей Мамед Эмин Расулзаде. Однако в прошлом веке в Азербайджане стали активно действовать силы, создавшие национализм, несколько поверхностный, не затронувший народные толщи, но идеологически ярко выраженный.

Важнейшим фактором, повлиявшим на азербайджанскую культуру, было длительное колониальное господство России, последствия которого во многом объясняют громадные различия между современной историей азербайджанцев и современной историей родственных им мусульманских народов Средней Азии. Русское завоевание объединило Северный Азербайджан и одновременно разъединило азербайджанцев Севера с азербайджанцами Юга, оставшегося под персидским владычеством. Оно лишило традиционной политической власти ханско-бекскую аристократию и резко ослабило позиции исламского «духовенства», религиозных профессионалов.

Вместе с тем из местного населения был создан слой чиновников и интеллигенции, необходимый для колониального управления. После нефтяного бума конца прошлого века у азербайджанцев возникает и новая буржуазия (роль которой на деле была несравненно меньшей, чем русской и армянской). Эти новые слои азербайджанского общества были сосредоточены в основном в Баку и существовали в социальном и культурном отношении как бы в двух мирах. С одной стороны, это были чаще всего выходцы из старой «ханско-бекской» аристократии, связанные с народом традиционными узами, с другой — европейски образованные люди, жившие русскими и европейскими идеями и интересами. И подобно представителям аналогичных социальных слоев во всех колониальных странах эти люди от стадии горячей преданности колонизаторам, открывшим для них двери европейской культуры, постепенно переходили к своеобразному сочетанию более глубокого усвоения этой культуры с ее идейным отторжением — к «антиевропейскому» национализму, построенному по европейским моделям.

Конструирование азербайджанского национализма было не простым делом, если вспомнить о полном отсутствии в народе национального самосознания и сложном характере азербайджанской культуры. Это было именно конструирование, идеологические по сути своей попытки определить свою нацию и ее национальное своеобразие, сопровождавшееся «метаниями», переходами от одного «самоопределения» к другому.

В конце концов победу одержала пантюркистская ориентация, отодвинувшая в сторону панисламизм (не столько религиозное, сколько культурное течение, не имеющее европейских аналогов) и ориентацию на Иран. Причины победы тюркистской ориентации, очевидно, во-первых, в том, что в европейском национализме особую роль играл язык (огромное влияние на пантюркизм оказал панславизм), во-вторых, в притягательности Турции — самой сильной и наиболее успешно европеизирующейся мусульманской страны. Громадное влияние на развитие турецкого пантюркизма оказали азербайджанские эмигранты из царской России. Этот пантюркизм, вначале романтический и догматический, видящий во всех тюрках единую нацию, затем «смягчился» у большинства лидеров и теперь подчеркивал особенность Азербайджана в семье тюркских народов. Он сочетался с безусловным принятием европейских либерально-демократических ценностей, которым его идеологи стремились найти свои национальные и религиозные истоки, аналоги и обоснования (в институтах древнего тюркского общества, древних исламских институтах).

Именно эта идеология либерально-демократического тюркизма и господствовала в Азербайджанской Республике — эфемерном государственном образовании, возникшем после распада Российской империи (и через два года уничтоженном Красной Армией).

Совершенно очевидно, что национализм подобного рода представлял собой идеологию узкого верхушечного слоя. Американский исследователь новейшей истории Азербайджана Т.Светочовский пишет: «В то время как интеллигенция претерпевала эволюцию, которая в быстрой последовательности вела ее от панисламизма к тюркизму и затем к азербайджанизму, массы оставались на уровне сознания уммы с ее типичным безразличием к светской власти, иностранной или своей». Так уже в тот период проявилось важнейшее противоречие современной азербайджанской истории — между доминирующей европейской идеологией и глубокой мусульманско-традиционалистской основой народной культуры.

Скорее всего, сохранись провозглашенная в 1918 году азербайджанская независимость, идейное и политическое развитие Азербайджана наверняка пошло бы не по либеральному мусаватистскому руслу, а эпизод АР, видимо, значил бы в истории Азербайджана не больше, чем конституционализм 1906 года в истории Ирана. Традиционалистская психология народных масс не дала бы прижиться европейской форме политической жизни, взорвала бы ее, как это неоднократно было в истории Ирана, Турции, Пакистана... Но именно насильственная ликвидация АР Красной Армией придала мусаватистскому эпизоду колоссальное идеологическое значение.

Дело в том, что АР — фактически единственное государственное образование с несомненным национально-азербайджанским лицом в азербайджанской истории, не знавшей ни непрерывной, уходящей корнями в далекое прошлое языковой и культурной традиции (как иранцы), ни мощных империй (как турки и те же иранцы). Т.Светочовский говорит: «Только с Азербайджанской демократической республики начинается настоящая азербайджанская государственность и она с самого начала была демократической».

Поэтому возникавший в советское время азербайджанский национализм не мог не обращать своих взоров к этому периоду, не мог не поднимать красно-сине-зеленое знамя (где красное означает демократию, синее — тюркизм, зеленое — ислам; лозунг мусаватистов: «Исламизация, тюркизация, европеизация»), не мог не делать своим кумиром Мамед Эмина Расулзаде, лидера Азербайджанской Республики,— у него просто не было иной достаточно прочной точки опоры в национальной истории. И следовательно, он не мог не воспроизводить господствовавшую в АР комбинацию тюркизма и либерального демократизма. Своей ранней и насильственной смертью АР, может быть, больше сделала для придания специфически «западнической», либеральной окраски последующей идеологической эволюции Азербайджана, чем если бы она сохранилась, наверняка видоизменившись во что-нибудь совсем не демократическое.

Уничтожив зарождающуюся независимую азербайджанскую государственность, большевики одновременно создали АзССР. Они как бы закрепили идею мусаватистов, которых безжалостно истребили, об азербайджанском государстве и азербайджанской нации, превратив ее из «гипотезы», лозунга если не в реальность, то в очень прочную, догматически принятую форму. Вначале это практически чистая форма, ибо не только у Азербайджана нет никакой самостоятельности, но и управляют им отнюдь не азербайджанцы, среди которых практически не было пригодных для этой роли большевистских кадров. Правда, в совнаркоме заседают азербайджанцы, но в реальных органах власти — ЦК и ЧК — доминируют русские, армяне и евреи...

Но, как это произошло и в других республиках, созданная большевиками форма национальной государственности становится все менее фикцией, все более наполняется содержанием. Большевики предпринимают большие усилия по подъему культуры масс и по созданию национальных партийных кадров, которым можно было бы доверить управление Азербайджаном. Переломный момент наступает в 1933 году, когда Москва назначает первым секретарем «азербайджанского Берию» Мир Джафара Багирова. Период самого страшного террора против реальных и вымышленных «национал-уклонистов» одновременно был периодом завоевания азербайджанцами командных высот в местной иерархии. И с М.Д.Багирова (смещенного в 1953-м и расстрелянного в 1956 году) линия азербайджанских первых секретарей уже не прерывается...

Процесс создания азербайджанской бюрократически-интеллигентской элиты — это естественное продолжение в новых, советских формах процесса, шедшего в Российской империи (и в какой-то мере приведшего к сходным результатам — росту национального сепаратизма). Но в СССР он проходил очень своеобразно.

До революции азербайджанский буржуа, чиновник или интеллигент занимал свое положение в обществе вовсе не потому, что он — «кавказский татарин», а, пожалуй, вопреки этому. Российские власти отнюдь не покровительствовали азербайджанцам (если они кому и покровительствовали на Кавказе, то, скорее, армянам).

После революции ситуация меняется. По советской системе Азербайджан, как одна из формально равноправных республик, должен иметь все, что «положено»: свою, например, Академию наук с обязательным набором институтов, свой университет, свою долю в общесоюзной Академии, свой «набор» музеев и театров и т.д. и т.п., и все это количество должностей и званий заполняется азербайджанцами в условиях «не совсем честной конкуренции», просто потому, что такие должности есть и они должны быть заполнены представителями «титульной нации». Создается система преимуществ для азербайджанцев.

В результате возникает внушительная интеллигентски-бюрократическая элита. Но складывается она не на основе общего подъема культуры и жизненного уровня народа, а в какой-то мере «искусственно». И это не может не сказываться на ее качестве. Система предпочтения «своих» существует не только по отношению к азербайджанцам. Традиционалистские, клановые и земляческие связи пронизывают все общество, в том числе и элиту, приводя к коррупции огромных масштабов.

Коррупция, разумеется, была характерна в 60—70-е годы для любой советской элиты. И все же, очевидно, Азербайджан (как и среднеазиатские республики) представляет собой в этом отношении особый регион. Разумеется, мы не можем сопоставить масштабы коррупции при Ахундове и Алиеве (как и при Рашидове и Кунаеве) с ее масштабами в брежневской Москве. Тем не менее размах всеобщей и практически открытой продажи всех должностей и званий — секретарей райкомов, министров, академиков и т.д. — по относительно четко установленным таксам превосходит, если судить по книге И.Земскова[1], всякое воображение. Переходящая все мыслимые пределы коррупция, фактическая «приватизация» всей экономики Азербайджана сетью

[1] *Илья Земсков*. Партия или мафия (разворованная республика). Paris, 1975. Илья Земсков — московский социолог, еврей, каким-то не совсем понятным из его книги образом оказавшийся одним из помощников Г.Алиева, а затем выехавший в Израиль. Книга эта, очевидно, в какой-то мере тенденциозна. Автор стремится к сенсационности и к некоторому возвеличиванию своего бывшего шефа, что позволяет представить в привлекательном свете сотрудничество с ним. Тем не менее картина, нарисованная в книге И.Земскова, подтверждается и другими источниками.

партийных кланов в конечном счете вызывает недовольство Москвы. В 1969 году в Азербайджане происходит своего рода государственный переворот. Брежнев отстраняет В.Ахундова и ставит у власти председателя азербайджанского КГБ Г.Алиева, подготовившего компромат на всю партийную верхушку Азербайджана и предоставившего его генсеку.

Впоследствии период господства Г.Алиева был назван «алиевщиной». Алиев, «сильный» и «жесткий» лидер, получивший от Москвы «карт-бланш» и поддерживавший этот «карт-бланш» своей поразительной даже для 70-х годов способностью льстить генсеку, производит в Азербайджане колоссальную чистку коррумпированной номенклатуры. За первые пять лет его деятельности было сменено две трети министров, 8 из 10 членов бюро ЦК, 37 из 45 секретарей райкомов. К каким же результатам это приводит?

Вот как описывает алиевскую систему азербайджанский писатель Ч.Абдуллаев в статье «Час откровения»: «В условиях нашей республики местничество приобрело особенно откровенный и издевательский характер. В конце семидесятых правительственными дачами в Загульбе распоряжались несколько родственных кланов, поскольку почти все члены правительства и ответственные работники ЦК были родственниками друг друга. Сквозь такую круговую оборону было нелегко пробиться. В лучшем случае это удавалось сделать за счет удачной женитьбы... Страшное в условиях Азербайджана «харалысан» — откуда ты родом? — разобщало нацию... Липко-грязное слово «взятка» мы заменили на «хормет» — «уважение» и начали уважать друга...» Освободившиеся места занимаются отчасти бывшими кагебешными подчиненными Алиева, но прежде всего — его нахичеванскими родственниками.

Самым важным, однако, является не это, а отношение общества к Г.Алиеву. Если в России Гришин, чье имя стало синонимом коррупционера, канул в политическое небытие, то Алиев остался глубоко уважаемым человеком, вернувшимся к власти. При этом никто и не пытается отрицать, что при прошлом его правлении царила коррупция, просто говорится о его опытности и о том, что он «много сделал для Азербайджана». (Абсолютно такое же отношение к Кунаеву, Рашидову, Адылову.) Откуда же столь снисходительное отношение к коррупции?

На мой взгляд, оно связано с глубоким традиционализмом, особенно в сфере семейно-бытовых отношений, свойственным азербайджанцам и другим мусульманским народам. Азербайджанцы (как и узбеки или казахи) не «аморальнее» русских, но у них несколько иная мораль. В их шкале ценностей громадное место занимает родственная, клановая и земляческая солидарность, почти отсутствующая у русских. Коррупция — средство защиты этих связей, средство самосохранения традиционного общества.

В Азербайджане отношения «теплее», человечнее, чем в России. Там для паренька из бедной семьи, который кажется пошустрее других, все родичи, соседи и друзья будут собирать деньги для взяток, необходимых для его поступления в вуз. И их не в долг дадут, а просто так. Но когда этот паренек пробьется в профессора или секретари райкома, он просто не сможет не помочь людям, проявившим к нему бескорыстную доброту. Он не сможет отказать другому такому же, каким он был когда-то, пареньку из его деревни, который просит устроить его в аспирантуру или милицию. Поэтому Г.Алиев, заполнивший все командные и прибыльные места своими нахичеванскими родственниками, не может по-настоящему, искренне осуждаться азербайджанцами, которые знают, что каждый сделал бы то же.

Поразительно, что усиленная азербайджанизация элиты, то есть вытеснение неазербайджанцев с высших позиций, сопровождается усиленной русификацией самой азербайджанской элиты. В 60—70-е годы число русскоязычных школ в Баку в 10 раз превысило число азербайджанских, и интеллигенция отдает детей преимущественно в русские школы.

В процессе азербайджанизации, таким образом, не культура вытесняется культурой, язык — языком в результате естественного роста национальной культуры, а «чужие» вытесняются своими. Элита выступает как носитель кланового, а не национального самосознания.

Ясно, что в такой элите при всем проявленном ею впоследствии полном безразличии к коммунистической идеологии не могла сложиться та скрытая, но практически тотальная «антисоветскость», которая возникла, например, в прибалтийских элитах. Антисоветизм последних питался уверенностью в том, что и при других, не советских условиях их статус останется гарантированным, ибо он основан на каких-то общечело-

вечеких, «конвертируемых» основаниях — на реальных знаниях, опыте и т.д. Но в азербайджанской элите, сложившейся в системе предпочтения всякого рода «своих», раздираемой клановыми склоками, сильно русифицированной и оторванной от своего народа, такой уверенности быть не могло. Наоборот, для нее было очевидно, что падение советской системы означало бы ее гибель, ибо клановая иерархия не могла бы удержаться, а без клановых подпорок реальное «качество» большинства представителей этой элиты не позволило бы им удержать свое статусное положение. Для наиболее же русифицированной части элиты, утратившей способность говорить с народом на общем языке, Азербайджан вне СССР был бы просто катастрофой.

Поэтому, судя по всему, и масштабы диссидентского движения среди интеллигенции, и сочувствие ему были в Азербайджане во много раз меньше, чем в Прибалтике, России, на Украине или в Армении и Грузии. В Азербайджане было невозможно антимосковское, антисоветское национальное сплочение народа под предводительством национальной элиты, сложившейся в рамках советского общества. Несомненно, что это общество, несмотря на пройденный им мусаватистский период, в своих глубоких культурных и психологических основаниях стояло значительно ближе к среднеазиатским, чем к европейским обществам СССР, и если бы не внешний фактор, то развивалось бы оно далее по значительно более «среднеазиатскому» пути, чем это произошло на самом деле.

Может быть, традиция республики 1918—20 годов сказалась бы во внешнем большем европеизме (как это, собственно, и было при А.Муталибове), но произошедшие в Азербайджане революционные потрясения, победа Народного фронта, на наш взгляд, были бы невозможны. Мощный внешний фактор — армянское карабахское движение — изменил, однако, «естественный» ход эволюции, вызвав «взрыв» национального самосознания.

20 февраля 1988 года армянское большинство Облсовета НКАО приняло резолюцию с требованием передачи НКАО Армении. Для подавляющего большинства азербайджанцев, не знающих о давно ведущейся вокруг НКАО борьбе и плохо представляющих себе национальную психологию армян и их историю, это прозвучало громом с ясного неба. Через неделю новый шок — сумгаитский погром.

Сумгаит — первое из серии страшных событий современной азербайджанской истории, разобраться в котором практически невозможно, ибо в клановом, пронизанном неформальными «мафиозными» связями и коррупцией обществе с темными и традиционалистскими низами политика в громадной мере и реально делается тайными силами, сговорами и провокациями и еще больше — интерпретируется через тайные силы, сговоры и провокации. Если добавить к этому стремление Москвы замолчать сумгаитские события, чтобы «успокоить» общество, стремление армян максимально их раздуть, превратив в продолжение геноцида 1915 года, и стремление азербайджанцев свалить все на армянскую провокацию, то мы должны будем признать, что правдивая картина сумгаитских событий вряд ли когда-нибудь будет создана.

Не совсем ясно, прибыли ли в Сумгаит первые азербайджанские беженцы из Армении, взбудоражив своим прибытием темные сумгаитские городские низы, или же, как утверждают армяне, азербайджанские беженцы появились лишь после Сумгаита, а в Сумгаите могли оказаться лишь провокаторы (кем посланные?), выдававшие себя за беженцев. Но ясно, что в Сумгаите взорвалась (сама ли взорвалась или кто-то бросил в нее спичку) горючая масса недавно прибывших из деревни и образовавших низы городского общества носителей традиционалистского сознания, приобретающего в городских условиях специфически люмпенски криминальный оттенок. Эта масса в Азербайджане была затем во много раз усилена беженцами из Армении и Карабаха — прибывающими десятками тысяч крестьянами (в отличие от городского и интеллигентского армянского населения, жившего в Азербайджане, азербайджанцы, жившие в Армении, были в основном крестьянами). Лишившиеся всего, оказавшиеся вдруг в больших городах, не знающие, что делать, они были дезориентированы и озлоблены.

Но растерянность, подозрительность и чувство одиночества охватывают в это время не только беженцев из Армении, но и самые широкие слои общества. Азербайджанцам кажется, что они окружены со всех сторон, блокированы вездесущими армянами, диктующими свою волю чуть ли не всему миру. Они не могут пробиться к

центральным средствам массовой информации, сочувствующим, как и вся российская либеральная интеллигенция, армянам и создающим совершенно фантастическую картину угрозы исламского фундаментализма в Азербайджане. Они видят, что Горбачев занимает колеблющуюся, неопределенную позицию, и, естественно, объясняют это влиянием его армянских советников...

Все эти ощущения не беспочвенны, но принимают гиперболизированную и болезненную форму. К мифам об армянском заговоре, который ищут за каждым событием, прибавляется затем легенда о коварном центре, который также через разные тайные силы, прежде всего КГБ, осуществляет политику «разделяй и властвуй». «Заговоромания» становится прочной принадлежностью азербайджанской политической культуры. И не только городские низы, но и все измученное и издерганное азербайджанское общество становится «пороховым погребом», готовым взорваться в любой момент массовой истерикой.

В этот «разворошенный муравейник» Москва направляет А.Везирова. После сумгаитских событий он сменяет К.Багирова, ставленника Г.Алиева (который в 1982 году стал членом Политбюро и уехал в Москву, а теперь впал у М.С.Горбачева в немилость). Особой опоры у Везирова в бакинской алиевской верхушке нет. Он пытается создать ее — «чистит» верхний эшелон от наиболее близких к Алиеву и наиболее коррумпированных, восстанавливает в партии репрессированных при Алиеве, ставит на командные посты своих старых друзей по комсомольской работе и (Азербайджан — всегда Азербайджан) своих родственников.

А.Везиров сталкивается в Баку с тем, с чем столкнулись многие республиканские партийные руководители в этот период — с брожением среди интеллигенции и возникновением Народного фронта, процессом, ускоренным в Азербайджане армянским движением и затем Сумгаитом.

НФА вначале развивался по классической общесоветской схеме. Группа молодых интеллигентов («Клуб бакинских ученых» — З.Ализаде, Л.Юнусова, Т.Гасымов, Х.Гаджизаде, И.Гамбаров, Э.Мамедов), почувствовавших в начинающейся общесоюзной демократизации возможности быстрой социальной мобильности, получила поддержку старших по возрасту и менее энергичных, но обладавших прочным статусным положением представителей интеллигентской элиты (И.Шихлы, Ю.Самедоглу, М.Араз, С.Рустамханлы и др.) и вступила в отношения «взаимного подмигивания» с частью партийной элиты.

Однако статусная интеллигенция поддерживает движение здесь значительно более робко, чем в Прибалтике или даже в России. Партийная элита также не выдвигает фигур типа Горбачева, Ельцина, Бразаускаса, Рюйтеля. На улицы здесь выходят толпы иные, чем «демократические толпы» в Москве или Прибалтике, значительно более темные и склонные взрываться бунтами, не готовые к упорядоченным, организованным действиям. Здесь иная элита и иная толпа, и эта элита этой толпой управлять не может (она может лишь в критические моменты пытаться направлять бунтарскую энергию этой толпы в безопасное для нее русло борьбы с армянами). При этом чем более явным становится «плебейский» и бунтарский характер вышедших на улицы толп, тем более робкой становится элита. Народнофронтовское движение, возникающее по прибалтийской модели и заимствовавшее прибалтийскую лексику, сразу же начинает эволюционировать в ином, азербайджанском направлении.

Характер выплеснувшихся на улицы толп, в которых громадную роль начинают играть беженцы из Армении, стал очевиден с первого же общебакинского митинга 16 мая 1988 года. Стало ясно, что ориентирующиеся на прибалтийскую модель либералы из «бакинских ученых» не могут найти с этими людьми общего языка (иногда — в буквальном смысле слова: многие представители интеллигенции плохо знают родной язык, а в народе многие не понимают русского). Им ближе не З.Ализаде, сын двух профессоров, или прекрасно говорящая по-русски, но плохо по-азербайджански Л.Юнусова, а создавший свою организацию «Варлыг» (собственно, не организацию, а кружок неопределенной направленности, сочетающий интересы к истории, охране природы и памятников старины), вообще не говорящий по-русски, но имеющий прекрасный контакт с толпой молодой рабочий завода им. Шмидта Н.Панахов, которого Ализаде назвал «лидером первобытно-общинного уклада». Он произносит речи о том что, если азербайджанцы захотят, они сделают второй Арарат из армянских голов, и по его призыву: «Кто не армяне — встать» или «Кто не армяне — сесть» встает и садится вся многотысячная площадь.

Либералы из «Клуба ученых» понимают, что получить реальную массовую базу они могут, лишь вступив в союз с иными силами, социально и культурно чуждыми им, но имеющими больший психологический контакт с народными низами. В конце февраля — начале марта 1989 года Инициативная группа по созданию НФА (организованная «Клубом бакинских ученых» летом 1988 года) вступает в соглашение с «варлыговцами» и создает Временный инициативный центр и координационный совет НФА из 10 человек, по 5 от каждой группы. Либералы надеются, что их большая культура и элитарные связи позволят им доминировать в НФА. Однако на первую роль в НФА выдвигается человек, психологически и культурно не принадлежащий к бакинской интеллигенции, до этого державшийся несколько особняком и не входивший ни в «Клуб ученых», ни в «Варлыг», — будущий президент Азербайджана Абульфаз Алиев, принявший затем тюркизированную фамилию-псевдоним — Эльчибей.

А.Эльчибей — 1938 г.р., востоковед, арабист, кандидат наук, защитивший диссертацию по истории средневекового Египта. Однако в культурном и социальном плане он очень отличался от «бакинских ученых». Это выходец из нахичеванской деревни, с сильными и прочными деревенскими корнями, плохо говорящий по-русски. В 1975—76 годах А.Эльчибей был в тюрьме за националистическую антисоветскую деятельность, после этого работал в Институте рукописей АН Азербайджана. Идеология А.Эльчибея строилась на сочетании страстного тюркизма и западничества. Хороший оратор (на азербайджанском языке), он завораживал толпы речами о гибнущей империи, великом тюркском народе и о том, что если бы не большевики, уничтожившие АР, Азербайджан стал бы не менее богатым, чем Кувейт, и не менее свободным, чем США или Франция. При этом, естественно, само понимание им западной политической модели, которой он был искренне привержен, было во многом своеобразным, «азербайджанским». «Популизм», идея «воли народа», зачастую субъективно интерпретируемой, значили для него больше, чем идея законности. Характерное для Азербайджана противоречие колоссальной роли «западнической» идеологии и отнюдь не «западной» психологии присутствовало и у самого Эльчибея.

«Эльчибеевский» тип демократической азербайджанской интеллигенции первого поколения, выходцев из деревни, сочетающих страстный тюркский национализм с идейным «западничеством» и зачастую одновременно с полной неспособностью жить и действовать «по западным правилам», становится доминирующим в НФА, оттесняя наиболее русифицированную и европеизированную часть бакинских либералов.

16 июля 1989 года на полуподпольной Учредительной конференции НФА А.Эльчибей избирается председателем. На этой же конференции принимается очень важное постановление о том, что в НФА решения вышестоящих органов имеют лишь рекомендательный характер. НФА постепенно превращается в довольно аморфную федерацию местных организаций, действующих на свой страх и риск. Эти низовые организации, возглавляемые сельской и районной интеллигенцией, часто представляли собой просто недовольные местной властью группы (что в Азербайджане часто связано с соперничеством местных родственных группировок). «Рядовыми» же НФА были низы азербайджанского общества, «обездоленные и безработные», среди которых особой активностью отличались беженцы.

В январе 1990 года власть в НФА окончательно переходит к эльчибеевской группировке, которая забаллотировала на выборах в правление слишком радикального и «неконтролируемого» Н.Панахова и одновременно избавилась от самых активных представителей бакинской либеральной группировки, лидеры которой З.Ализаде и Л.Юнусова ушли из НФА и создали Социал-демократическую группу.

Как З.Ализаде и Л.Юнусовой не удалось выполнить социальную роль наших станкевичей, афанасьевых, старовойтовых или эстонских сависааров, так и А.Везирову не суждено было сыграть роль Вяляса или Бразаускаса. Уже его первая попытка выйти к народу, выступив 13 июня на митинге перед зданием ЦК, окончилась провалом. Выступление его было путаным, а язык — невразумительным, ибо по-азербайджански он говорил плохо. Его освистали.

Больше А.Везиров к собирающемуся перед зданием ЦК народу не выходит и регистрировать НФА упорно отказывается, а в конце 1988 года даже идет на разгон митингующих войсками. Но постепенно ситуация меняется.

В январе 1989 года Москва создает Комитет особого управления НКАО во главе с А.Вольским. Вначале Азербайджан приветствует создание КОУ, но затем здесь начинают понимать, что НКАО уходит из-под бакинского контроля. Везирову надо что-то делать, чтобы окончательно не превратиться во «врага своего народа», но у него нет никаких рычагов давления — ни мощной диаспоры, как у армян, ни сочувствия Запада и либеральной российской интеллигенции, как опять-таки у армян и у прибалтов. Единственное средство давления, которым он располагает, — это как раз то вызывающее у него страх народное движение, которое в декабре он попытался подавить силой. Только страх перед тем, что Азербайджан может взорваться, способен побудить центр, на который оказывается сильнейшее давление в пользу Армении, к каким-то действиям по защите азербайджанского суверенитета в НКАО. Таким образом, Везирову не остается ничего иного, как начинать «игру с огнем», выпускать из бутылки джинна, которого он сам страшится.

29 июля, 5 и 12 августа в Баку снова проходят громадные митинги, которым власти не препятствуют. Основные требования — ликвидация КОУ, принятие закона о суверенитете, аннулирование выборов народных депутатов СССР от Азербайджана, прошедших, естественно, совершенно не демократично и давших делегацию, регулярно пасующую перед армянами, отмена «особого положения» и комендантского часа, регистрация НФА. На 14 августа объявлена забастовка. В этот день, выступая по телевидению, секретарь ЦК Г.Оруджев призывает к диалогу между ЦК и НФА. Начинаются переговоры с мечущимся, не знающим, что делать, А.Везировым, ни к чему не приведшие.

Между тем из Армении и Карабаха идут все новые толчки, не дающие взбудораженному азербайджанскому обществу успокоиться, подливающие масла в огонь. 16 августа проводится съезд полномочных представителей армянского населения НКАО, заявляющий о том, что он не признает пребывание НКАО в составе Азербайджана. Это происходит в условиях вроде бы управления КОУ и позволяет интерпретировать КОУ как прикрытие для армянской аннексии.

21—22 августа в Азербайджане проходит двухдневная предупредительная забастовка. 10 сентября по телевидению лидеры НФА сообщают о достигнутой договоренности о проведениии сессии ВС с участием представителей НФА (еще не зарегистрированного) по вопросу о КОУ, и 11 сентября забастовка кончается (кроме блокады железнодорожной ветки в Армению). Сессия ВС открывается 15 августа и идет крайне бурно, ибо А.Везиров резолюции с ходатайством о ликвидации КОУ боится, предлагая просить лишь об его усовершенствовании, а лидеры НФА угрожают забастовкой и один раз даже покинули заседание. В конце концов 29 сентября в 1 час 30 мин. ночи принимается постановление о КОУ, которого добивается НФА. И только после всего этого, 5 октября, НФА регистрируется. (КОУ, которым были недовольны и азербайджанцы, и карабахские армяне, был ликвидирован ВС СССР 28 ноября.)

Эти демонстрации бессилия руководства и отсутствия у него какой-либо четкой политики приводят к тому, что власть начинает уходить из рук А.Везирова и ЦК, тем более что Армения не дает Везирову и азербайджанцам передышки, 1 декабя 1989 года объявив о присоединении НКАО. Власти пытаются направить народную энергию в русло борьбы лишь за Карабах. В январе создан Совет национальной обороны, куда входит ряд народнофронтовских деятелей — А.Эльчибей, Э.Мамедов, Р.Казиев, проводится запись в отряды добровольцев. Но это лишь усугубляет анархию. В Баку идут нескончаемые митинги, и власть здесь уже не в руках ЦК, хотя еще не в руках НФА. В Нахичевани азербайджанские крестьяне прорывают государственную границу с Ираном, а в ряде районов — в Джелалабаде и Ленкорани — местные отделения НФА просто берут власть классическим революционным путем — изгнав местные КГБ и райкомы. Естественно, в такой ситуации организациями НФА часто объявляют себя местные полумафиозные группировки.

В этой обстановке 13 января 1990 года начинаются бакинские погромы армян. Как и в сумгаитских событиях, здесь тоже имелась мощная «подводная часть айсберга». Руководство НФА, хотя и создало благоприятную для возникновения погрома психологическую обстановку, безусловно, его не хотело и даже организовало спасение армян. Для большинства азербайджанцев бакинский погром — это кагебешно-московско-армянская провокация. Рассказывают о таинственных хорошо одетых людях с адресами армян, предводительствовавших погромщиками. Что здесь от провокации и чья она, сказать невозможно, но то, что милиция и внутренние войска, имевшие полную возможность пресечь погромы, бездействовали, — это факт.

Далее события развивались еще более страшно и одновременно — предельно нелепо и причудливо. К 15 января армян в Баку уже не осталось — большинство их было эвакуировано народнофронтовскими отрядами. В этот же день появляется указ Президиума ВС СССР «Об объявлении чрезвычайного положения в НКАО и некоторых других районах». Упоминание «других районов» заставляло думать о Баку. Прибытие 15 января Е.Примакова и А.Гиренко, встречавшихся с руководством и партийным и народнофронтовским, не внесло ясности. Вроде бы они заверяли, что в Баку чрезвычайного положения не будет. С их слов это было объявлено первым секретарем Бакинского горкома М.Мамедовым и зав. отделом ЦК Дащдамировым. По другим сведениям, Е.Примаков сказал Э.Мамедову, что НФА готовит захват власти и «мы не допустим этого любой ценой». Между тем НФА блокирует вооруженными пикетами казармы и подходы к городу, что, очевидно, делалось в расчете на то, что центр не решится пролить кровь, а после этого можно будет сказать, что он испугался перспективы героического сопротивления. Тем не менее 19 января появляется указ Президиума ВС СССР «О введении чрезвычайного положения в городе Баку» с ноля часов в ночь с 19-го на 20-е. Но в этот же день в 7 часов вечера таинственная и так никем не установленная группа лиц (азербайджанцы считают — КГБ) производит взрыв в бакинском телецентре, выведший телевидение из строя. Поэтому войска входят в Баку, который ничего не знает о чрезвычайном положении и комендантском часе, и более того — раньше формального часа введения чрезвычайного положения (не в ноль часов, а в 10 часов вечера). О чрезвычайном положении было объявлено по радио только в 7 ч. утра. Впоследствии комиссия Верховного Совета Азербайджана интерпретирует это следующим образом: «... время объявления в Баку чрезвычайного положения и введения комендантского часа скрывалось от народа, и делалось все, чтобы эти акции застали бакинцев врасплох». Ввод войск сопровождался крайней жестокостью — стреляли по любой движущейся мишени и просто по темным переулкам и окнам домов. К моменту объявления чрезвычайного положения по радио уже было убито 82 человека, в большинстве своем никакого отношения к пикетам не имевших. После этого погиб еще 21 человек. Из 82 погибших от огнестрельных ранений у 44 входные отверстия пуль — на спине.

Комиссия Верховного Совета Азербайджана утверждает, что эта акция была сознательно спланирована и цинично осуществлена как карательная акция и имела целью дать наглядный урок и устрашение движениям за независимость в Азербайджане и других республиках бывшего Советского Союза. В какой-то мере, очевидно, так и было. Центру, конечно, нужно было продемонстрировать силу и решимость, и он не случайно выбрал (сознательно или полусознательно) Азербайджан как «слабое звено» — страну, о которой мир ничего не знает, кроме того, что там живут притесняющие армян мусульмане и она рядом с Ираном и поэтому на нее может перекинуться страшная исламская революция. Но все же преувеличивать степень сознательности этой акции, на наш взгляд, не следует.

В Армении и Азербайджане рассказывают истории про одного руководителя из центра, который, обращаясь к армянам, говорил: «Да как это вы, два мусульманских народа, не можете договориться». Этот анекдот, на наш взгляд, в какой-то мере проливает свет на кровавые бакинские события. Не только мир в целом, общественное мнение на Западе и в России, но и центр имел самое смутное представление о том, что такое Азербайджан и что в нем происходит, и никакие отчеты никаких КГБ ничего принципиально здесь изменить не могли.

Кроме того, в этот период, непосредственно предшествующий распаду СССР, государственная машина работала все более иррационально. Обстоятельства ввода войск легче объяснить не дьявольским планом (кого? Горбачева, Бакатина, Язова? Людей, на наш взгляд, на такую бессмысленную жестокость не способных), а просто начинающим воцаряться в обществе и в армии хаосом. Наши действия в Баку вызывают образ агонии громадного животного, части тела которого начинают двигаться беспорядочно и иррационально.

Но так или иначе, ввод войск в Баку кладет конец «эпохе Везирова», еще до ввода войск убежавшего со всеми своими чадами и домочадцами в Москву.

После кровавой бойни в Баку первым секретарем ЦК КПАз становится А.Муталибов. А.Муталибов — бакинец, сын доктора наук, родился в 1938 году. Ему вроде бы прочили научную карьеру, но после окончания в 1962 году Института нефти и химии, он пошел на производство. В 1974 году стал генеральным директором производственного объединения Бакэлектробытмаш (завод холодильников), с 1977-го — на партийной работе, с 1979-го — министр местной промышленности, с 1983-го — зампредсовмина, с 1989-го — председатель Совмина. Впоследствии Муталибов будет подчеркивать, что он не профессиональный партработник, в партию вступил, только став главным инженером, а первым секретарем в январе стал потому, что «...интересы дела превысили личное нежелание».

С А.Муталибовым связана целая эпоха политической истории Азербайджана. Обязанный своим возвышением «советским штыкам», он тем не менее сумел создать себе определенную внутреннюю поддержку. Частично это была традиционная, кланово-мафиозная поддержка, обеспечивавшая ему, когда нужно, уличную толпу. Но он пытается найти себе «классовую» и «идеологическую» поддержку, правильно ощущая настроения бакинской элиты и используя тот страх, который она испытала в январе 1990 года, когда на улицах царствовал неконтролируемый плебс.

Какого-либо мировоззрения у А.Муталибова, разумеется, не было. Как почти все наши политические деятели, в начале 1990 года он употребляет марксистскую символику. Но, опять-таки, как почти у всех, она реально ничего не значила, и, следуя эволюции общественных настроений, он уже в 1990 году начинает использовать религиозную символику («человек истинной веры — это член нашего общества, которое сегодня раздирается противоречиями именно по причине господствующего безверия»), а позже вообще объявляет себя религиозным человеком (но, разумеется, не фундаменталистом). Эволюция стандартная и аналогичная эволюции Алиева, Ельцина, Руцкого, Шеварднадзе и многих других. Но эта стандартность ему даже полезна, ибо главное для него — показать интеллигентным бакинцам, что он настоящий интеллигент. И все его ценности — «нормальные интеллигентские ценности», как у всех. Как все, он — за демократию западного типа, как все — уважает Сахарова и Солженицына, религию, национальные традиции и т.д. Он активно возрождает символику Азербайджанской Республики 1918—20 годов. Цель его — демократический и независимый Азербайджан.

Но (мы излагаем тот ход мыслей, который содержится в его многочисленных выступлениях и интервью и который заставляет подозревать в доходящем иногда до смешного подчеркивании своей интеллигентности не только его личную черту, но и аспект, может быть, бессознательной или полубессознательной политической стратегии) — давайте смотреть правде в глаза — Азербайджан еще не готов к демократии и независимости. Демократия может обернуться хаосом, кровавой революцией, разгулом плебса, террором, повторением января 1990 года или даже октября 1917 года. Совершенно не замечая комизма такого заявления в устах руководителя компартии, он говорит, что то, чего добивается оппозиция, «... это далеко не мирный плюрализм, а та же самая революция или переворот, который был уже у нас в начале века».

Компартия мыслится А.Муталибовым как организация просвещенной элиты. Он даже рад тому, что после января партию покинуло много рабочих: «Думается... что мы слишком абсолютизировали значение рабочей прослойки... В то же время на глазах разрасталась проблема, которую можно определить как интеллектуальное оскудение партийных рядов... Образно говоря, она (компартия. — *Д.Ф.*) — тот фермент, без которого у нас невозможно нарастить слой политической цивилизованности демократического общества».

Фактически этот ход мыслей созвучен идее И.Клямкина и А.Мигранян о необходимости переходного авторитарного этапа на пути от тоталитаризма к демократии, выдвинутой ими в 1990 году. Но в России, где интеллигенция играет более заметную роль, где у нее нет такого культурного разрыва с народом и где Москве и Ленинграду не угрожали потоки беженцев — темных деревенских жителей, эта идеология практически никакой роли тогда не сыграла. В Азербайджане же муталибовская проповедь просвещенного авторитаризма получила значительный отклик.

Большая часть интеллигенции, которая в других республиках находилась в безусловной оппозиции коммунистам, в Азербайджане, напротив, поддерживала Муталибова. Социал-демократы, например, вытолкнутые из «плебейского» Народного фронта и

похоже, возненавидевшие вытолкнувших их «хамов», с охотой взяли на себя роль «витринно-карманной» оппозиции, нужной Муталибову для создания либерального имиджа Азербайджана и его власти, за что были вознаграждены, получив совершенно не соответствующее их численности и влиянию место в прессе и в политической жизни.

Но главное, что работало в пользу Муталибова, — даже не какая-то особая поддержка, а та легкость, с которой азербайджанский народ, как и вообще народы мусульманской культуры, переходит от бунта и анархии к успокоению, принимая безразлично, лояльно любую власть, если она действительно опирается на какую-то силу. В январе была массовая истерия, но у азербайджанского общества нет «выдержки», и, казалось бы, полностью развалившаяся компартия возрождается, по выражению Лейлы Юнусовой, «как феникс из пепла сожженных партбилетов». В январе было сожжено или выброшено 45000 партбилетов. Но постепенно многие стали восстанавливаться в партии и вступать в нее вновь.

Последовательно Муталибов осуществляет ряд мер, которые должны укрепить его власть и придать ей новый имидж, по возможности более национальный и демократический и менее советский и коммунистический. Принимается трехцветный государственный флаг республики 1918—20 годов, и день провозглашения этой республики, 28 мая, становится нерабочим. Создается консультативный совет, включающий деятелей оппозиции, и с согласия этого совета в мае Муталибов избирается старым составом Верховного Совета президентом (естественно, без конкурентов и единогласно). А осенью он проводит выборы в Верховный Совет.

Выборы эти, конечно, были не слишком демократическими. Они проводились в условиях чрезвычайного положения и запрета митингов, и наблюдатели из других городов СССР в Баку допущены не были. Но они не были и фиктивными. Шла реальная борьба. Далеко не везде удалось провести выборы сразу, 30 сентября, и в декабре в ряде округов было переголосование, а затем и перевыборы. Создается впечатление, что правительство стремилось лишь не допустить слишком много и слишком радикальных народнофронтовцев, но в остальном пустило дело на самотек и большая часть всяких подтасовок была связана с борьбой местных группировок, а не с выполнением указаний Баку. Поэтому результаты выборов все же отражают состояние умов в Азербайджане. Результаты эти примечательны.

Эпоха Верховных Советов со «знатными доярками» кончилась. Правящая элита понимает, что в новых условиях Верховный Совет — это уже не такая фикция, как раньше, а с другой стороны — у нее «развязаны руки», ибо жесткой разнарядки и списков сверху уже нет. Поэтому она сама захватывает депутатские кресла, оттеснив всех прочих. В результате возник, очевидно, один из самых классово однородных парламентов в истории. Из 360 человек среди депутатов оказалось только 7 рабочих, 2 колхозника, 22 представителя интеллигенции. Подавляющее большинство депутатов — преставители местных властных элит: секретари райкомов, председатели исполкомов, очень много руководителей КГБ и милиции. НФА получил 31 мандат, и, когда мы читаем список депутатов с указанием их должностей, мы практически безошибочно можем определить, кто из них народнофронтовцы, по должности это не элитарная, низовая интеллигенция. И Верховный Совет наполняется секретарями райкомов, районными прокурорами и директорами мясокомбинатов. Демократы получили 31 мандат (около 10%).

Насколько результаты выборов отражали действительную популярность НФА, сказать трудно. Естественно, что НФА заявил о том, что выборы были нечестные, и недостатка аргументов в пользу этого тезиса не было. И все же, очевидно, большинства НФА не добился бы и при самых честных выборах, ибо бурно взорвавшееся в декабре 1989-го — январе 1990 года общество стало успокаиваться и обычная для него лояльность к власти, начальству взяла верх. Общество проголосовало за свою властную элиту. Одним из таких голосований за свою элиту, раскрывающих грандиозную роль кланово-земляческой солидарности и, очевидно, не очень приятных для Муталибова, было голосование в Неграмском округе Нахичевани, где 95% голосов было отдано за павшего, но сохранившего связи, клановую поддержку и определенную популярность, как «сильный человек», Г.Алиева. В целом, однако, выборы, безусловно, были большой победой муталибовского режима.

В марте 1991 года Муталибов, который, конечно, понимал, что при всем видимом спокойствии народа перспектива остаться наедине с ним и с армянами — не самая радужная, решил продемонстрировать свою лояльность СССР для получения поддержки от Москвы. Он одержал еще одну победу, успешно проведя референдум о судьбе СССР.

В условиях горбачевского СССР А.Муталибов не мог бы (если бы и хотел) ликвидировать НФА. И постепенно НФА оправляется от январского удара. Депутаты-народнофронтовцы, объединенные во фракцию «Независимый Азербайджан», с самого начала проявляют себя очень активно, в первый же день работы парламента, когда «подавляющее большинство» попыталось их подавить, они покинули зал заседания и организовали митинг перед зданием Верховного Совета и предупредительные забастовки на ряде бакинских предприятий. Народнофронтовцы запугивают правящую верхушку призраком повторения январских событий, и страх этот настолько велик, что коммунистическое большинство позволяет народнофронтовскому меньшинству играть в парламенте совершенно не пропорциональную его численности роль.

Тем не менее, пока нет новых толчков извне, будоражащих азербайджанскую душу и обостряющих национальное сознание, НФА особой угрозы не представляет. Муталибову в какой-то мере удается направить энергию НФА в «конструктивное» русло борьбы с армянами — народнофронтовские добровольческие отряды включаются в состав азербайджанского ОМОНа, лидеры НФА сотрудничают с властями в Совете обороны, а в самом НФА постепенно оформляется впоследствии покинувшая его группировка во главе с Э.Мамедовым, основная идея которой (в тот период): пока идет борьба за Карабах, борьбу за власть и демократию надо отставить, на этот период нужна сильная власть.

1990 год и первая половина 1991-го проходят без особых «толчков», идущих из Карабаха, Армении или Москвы. Муталибов ведет очень гибкую политику в отношении центра. В нем нет той стопроцентной преданности, какая была у Везирова, но на фоне победы АОД в Армении и Гамсахурдиа в Грузии Азербайджан — оазис спокойствия и лояльности. И центр, хотя и вяло, начинает помогать Азербайджану, идя на широкое использование в операциях против армянских боевиков 4-й армии, командный пункт которой был в Гяндже. Весной 1991 года осуществляются успешные операции, приведшие к депортации ряда армянских сел — опорных пунктов боевиков, и популярность Муталибова в Азербайджане значительно возрастает.

Фактически вырисовывалась четкая перспектива превращения муталибовского режима в подобие режимов Назарбаева или Каримова, но с несколько большим «либеральным» оттенком, соответствующим особенностям азербайджанской политической традиции республики 1918—20 годов, образ которой влиял в какой-то мере не только на народнофронтовцев, но и на правящую верхушку. Но такой перспективе (может быть, не самой плохой для Азербайджана, во всяком случае — лучшей, чем тот вариант его исторического развития, который осуществился на деле) не суждено было реализоваться. «Толчки» все-таки произошли и вновь взорвали общество, обладающее способностью как быстро успокаиваться, так и стремительно взрываться, переходя от «спячки», «погружения в быт» к судорожной и «истерической» активности.

Серия потрясений начинается с московского «августовского путча». А.Муталибов в это время был с визитом в Иране, где сделал неосторожное и дорого стоившее ему заявление с критикой нерешительности ведущего страну к анархии Горбачева и косвенной поддержкой ГКЧП. Путч и его провал активизируют НФА, организующий митинги с требованием роспуска Верховного Совета и новых демократических выборов парламента и президента.

А.Муталибов начинает делать судорожные движения по созданию новой легитимации своей власти. 30 августа Верховным Советом принимается «Декларация о восстановлении государственной независимости Азербайджана» и о создании сил национальной самообороны. 8 сентября, несмотря на протесты НФА, требующего их переноса на более поздний срок, все же проводятся всенародные выборы президента. Более того, уже под конец, в сентябре 1991 г., он умудрился провести всенародные выборы президента. Было выставлено 2 кандидатуры — А.Муталибова и З.Ализаде, лидера подыгрывавших ему в создании либерально-демократического фасада социал-демократов. Затем З.Ализаде кандидатуру снял, и за единственного кандидата проголосовало подавляющее большинство (85,7% участвующих 98,5% — «за»). 10 сентября проводится Чрезвычайный съезд КПАз, который без какого-либо сопротивления и почти не обратив на себя внимание общества, принимает решение о роспуске компартии. (Характерно, что в Прибалтике и России компартии оказались во много раз

более «живучи», хотя в Азербайджане, как показали последующие события, были значительно прочнее и глубже корни авторитарного советского строя.)

Но все эти меры ничего не дают, ибо армия в Карабахе перестает поддерживать азербайджанцев и здесь сразу же начинается армянское наступление, сведшее на нет все успехи, достигнутые весной. Широко разрекламированная поездка в Баку, Ереван и Степанакерт Назарбаева и Ельцина, надеявшегося показать всем, что Горбачев не мог разрешать конфликты, а некоммунистическая демократическая Россия — может, ни к чему не привела. Начинается новый всплеск национальных чувств и политизации азербайджанского общества. НФА резко усиливается, и страна постепенно скатывается к хаосу, похожему на хаос декабря 1989-го — января 1990 годов.

У здания Верховного Совета идут нескончаемые народнофронтовские митинги, и в самом Верховном Совете тоже воцаряется хаос. Как всегда это бывает в такие периоды в Азербайджане, общество полно всякого рода слухов.

Власть уходит из рук Муталибова. 30 октября Верховный Совет вынужден принять решение о передаче части своих полномочий Национальному Совету, состоящему наполовину из бывших коммунистов, наполовину — из оппозиции, по 25 от каждой из сторон, который приступает к работе в декабре.

Январь и февраль 1992 года проходят в крайнем напряжении. НФА требует отставки А.Муталибова, который, очевидно, сам постепенно приходит в истерическое состояние. 21 февраля он публикует «Обращение Президента Азербайджанской Республики к народу»: «Дорогие соотечественники! Братья и сестры! Мудрые отцы и матери наши!.. Поверьте, ваш президент страдает не меньше, чем вы... Недопустимо в борьбе за власть использовать наши временные трудности... У нас свой путь, и надо им идти и дальше — без крови, без революций, конституционным парламентским путем... Я поклялся быть преданным своему народу, служить ему и вновь подтверждаю: я выполню все, в чем поклялся народу». Через несколько дней после этого обращения, 26—27 февраля, армяне берут город Ходжалы и устраивают там зверскую резню мирного населения. А.Муталибов обречен. 5 марта в интервью «Комсомольской правде» он говорит: «Психологическое состояние, в котором я нахожусь, не позволяет переключиться и думать о чем-либо другом (кроме Карабаха. — *Д.Ф.*)». Ему кажется, что Россия сознательно бросила Азербайджан на произвол судьбы, чуть ли не для того, чтобы свергнуть его: «Вообще трудно придумать лучший способ для дискредитации Президента Азербайджана, чем вот так — отступиться от всех договоренностей и обещаний, оставить наш народ наедине со смертельной опасностью. Если есть такая цель — свалить президента волной народного горя и страдания, то это, считаю, преступление». Вечером на следующий день после бурного митинга с требованиями отставки президента перед зданием Верховного Совета и фактически — такого же митинга, устроенного народнофронтовцами внутри него, и совещания с аксакалами и шейх-уль-исламом Муталибов объявляет о своей отставке и отказе от политической деятельности. Верховный Совет тут же принимает постановление о назначении ему пенсии в 10000 рублей, 10 человек охраны, машины и дачи.

Временным главой государства становится председатель Верховного Совета ректор мединститута Якуб Мамедов. Но этот типичный (можно сказать, типичный до гротескности) представитель азербайджанской интеллигентски-бюрократической элиты взять в свои руки реальную власть не может и воспринимается всеми как переходная фигура.

Идет сложная и «маловразумительная» борьба вокруг вопроса о власти. В начале НФА — против президентских выборов в условиях войны и за создание коалиционного правительства. Но почему-то Верховный Совет принимает решение о выборах 7 июня. Тогда НФА соглашается, выдвинув кандидатуру А.Эльчибея. Через некоторое время у депутатов явно возникают сомнения, но просто так отменить решение невозможно. Началась избирательная кампания.

В ней участвуют все крупные фигуры тогдашней политической сцены — А.Эльчибей, Т.Караев, Я.Мамедов, Э.Мамедов, А.Ализаде и др. Но постепенно многие выходят из игры и вырисовываются две основные фигуры — А.Эльчибея и Низами Сулейманова, 1945 г.р., члена-корреспондента Академии наук Азербайджана, председателя Демократического союза интеллигенции Азербайджана, разбрасывавшего обещания направо и

налево. «Главное, — говорил он в интервью, — сделать жизнь людей лучше. И я знаю, что могу это сделать, и знаю, как это сделать». Он обещает за 3 месяца покончить с карабахским конфликтом и через год предоставить каждому азербайджанцу квартиру, не увеличивая госбюджета. Правда, эта предельная «неосторожность» в обещаниях сочетается у него с очень большой осторожностью, когда он говорит о А.Муталибове и Г.Алиеве. Бакинская верхушка не могла найти лучшего кандидата. Но, очевидно, она понимает все же, что особой надежды на Н.Сулейманова быть не может и шансы разбить с его помощью А.Эльчибея невелики.

И тут события принимают новый, неожиданный и типично азербайджанский оборот. 9 мая пала Шуша, последний оплот азербайджанцев в Карабахе. Очевидно, это было воспринято сторонниками Муталибова как наглядное доказательство того, что и трагедия в Ходжалы — не его вина. Сторонники Муталибова организуют пикеты у здания Верховного Совета, требуя его возвращения. Но, естественно, самое важное происходит в тени и, как все было, догадаться трудно. НФА не обращал особого внимания на не такие уж большие пикеты муталибовцев и дальнейшими событиями был застигнут врасплох.

14 мая собирается сессия Верховного Совета, на которой 241 человек из 360. На ней заслушивается доклад депутатской комиссии, созданной для анализа обстоятельств ходжалинской трагедии. Вывод комиссии: «Мы установили... что имеется халатность, и это признано А.Муталибовым, его неразборчивая и непродуманная кадровая политика, но нет предательства...» Истинные виновники трагедии установлены, но до окончания следствия их имена будут держаться в секрете.

После этого выступает ряд депутатов, говорящих о том, что принятие 6 марта отставки президента произошло под давлением и без достаточных оснований. Сразу же происходит голосование и решение от 6 марта отменяется (за — 230 человек). Тут же появляется Муталибов, назначается новый премьер Рахим Гусейнов и распускается Национальное собрание. Муталибов заявляет о том, что необходимо ратифицировать договор об СНГ. Очевидно, был расчет на вмешательство российской армии, и какие-то основания для такого расчета были. Как был подготовлен контрпереворот, какие здесь были закулисные переговоры и сделки — известно одному Богу.

Далее, однако, события разворачиваются скорее в традициях нашего революционного прошлого. У здания штаб-квартиры НФА собирается митинг, который не расходится и ночью. Руководство НФА предъявляет Верховному Совету ультиматум — до 13 часов 15 мая отменить принятые накануне решения, и в 15 часов толпа движется к зданию Верховного Совета, где ее встречает стрельба с крыш (убит был один и ранено 2 человека). Стрельбу удалось быстро подавить, после чего здание захватывается. В 19 часов объявлено, что все войска переходят под контроль НФА, и в 21 час без штурма занят президентский дворец, из которого уже бежали (как и А.Везиров — в Москву, на военном самолете) А.Муталибов и его окружение.

18 мая происходит новая сессия «опозорившегося» и деморализованного Верховного Совета, на которой Я.Мамедов подает в отставку. Делается какая-то попытка в последнюю минуту вызвать из Нахичевани Г.Алиева, но это почему-то не получилось, и избирается все-таки народнофронтовец И.Гамбаров, его заместителем становится Т.Караев. Депутаты оказывают отчаянное сопротивление, но после длительного обсуждения и трех переголосований все же вынуждены передать все свои полномочия Национальному собранию, которое они за несколько дней до этого объявили распущенным.

В июне проходят первые в истории Азербайджана честные (относительно) демократические выборы президента. В них участвовало 76,3% избирателей. А.Эльчибей получил 59,4%.

Наиболее интересным результатом выборов была поразительная пассивность вроде бы самых культурных и активных бакинцев. В Баку к урнам пришло только 67,9% избирателей. Очевидно, это говорит об отчуждении культурной и русифицированной части общества (и, наверное, самих русских) от политического процесса. Не голосовавшие — это, видимо, как раз те, на кого опирался Муталибов, люди, страшащиеся народнофронтовского «плебейства», но не желавшие голосовать и за несколько комическую фигуру Н.Сулейманова. Победа НФА была победой более национальной и деревенской части общества над более русифицированной и городской, хотя выступала эта «низовая» национальная масса — и в этом поразительная особенность азербайджанской политической жизни — под унаследованными со времен 1918—20 годов западническими и либерально-демократическими лозунгами.

К власти в Азербайджане приходит, очевидно, наиболее «революционная» по духу группировка, возглавляемая наиболее «идеалистическим» политиком из всех групп и политиков, правящих в разных странах бывшего СССР. Президента окружают люди, в большинстве своем — такие же интеллигенты первого поколения, выходцы из деревни, как сам Эльчибей, как и он, не прошедшие по ступеням бюрократической иерархической лестницы и пришедшие к своим постам как революционные выдвиженцы. Это П.Гусейнов, родившийся в селе, в семье колхозника, окончивший БГУ и бывший младшим научным сотрудником Института философии и права, ставший госсекретарем, а затем и премьер-министром, К.Ширинов, тоже родившийся в селе и окончивший БГУ, ставший госсоветником по правовой политике, А.Гаджиев, тоже родившийся в селе и окончивший БГУ (мы видим почти стандартную биографию, повторяющую эльчибеевскую), ставший госсоветником по работе с территориальными органами власти. Министром иностранных дел стал физик Т.Гасымов, представителем Азербайджана в России — биофизик Х.Гаджизаде, министром обороны уже при Я.Мамедове стал преподаватель математики Р.Газиев, министром внутренних дел — бывший оперативник ОБХСС, дважды увольнявшийся со службы, И.Гамидов. Были сменены все главы исполнительной власти на местах. Пришли «новые люди», не представители номенклатурной элиты, и, насколько я себе представляю, такого бурного притока «новых людей» в руководство не было нигде в бывшем СССР.

И первое время дела идут неплохо. В результате наступления летом 1992 года азербайджанцам удалось впервые нанести поражение армянам, заняв два района (как все наступления и армян и азербайджанцев, оно проводилось с помощью российских военных). Азербайджану удалось (что Эльчибей считал достижением и в чем с ним можно было бы согласиться, если бы мы не знали, как ему в конечном счете пришлось за это расплатиться) безболезненно, предоставляя офицерам, отъезжающим из Азербайджана, большие денежные компенсации за квартиры и принимая желающих остаться на военную службу, избавиться от расквартированной здесь российской армии (последняя часть покинула Гянджу в конце мая 1993 года, оставив Эльчибею подарок в виде Сурета Гусейнова).

Новая власть смогла (в результате бурной и эффективной деятельности нового министра внутренних дел И.Гамидова, игравшего в народнофронтовской революции роль своего рода Ф.Дзержинского) сбить нарастающую волну преступности (естественно, имеется в виду неорганизованная преступность, проявляющаяся в убийствах, изнасилованиях, ограблениях) и приостановить обозначившуюся тенденцию к распаду, превращению районов в замкнутые и фактически независимые «княжества», внутри которых кипит борьба кланов. Несмотря на отсутствие четкой экономической политики и продолжающееся падение производства, правительству удалось скопить валютный и золотой запас, которого раньше просто не было, и подготовить введение маната. Была проведена реформа системы поступления в вузы — введена тестовая система, практически исключающая коррупцию (что, естественно, вызвало колоссальное противодействие профессорско-преподавательского состава). Был принят демократический закон о культурной автономии нацменьшинств, и правительству в основном удалось погасить страх этих меньшинств перед тем, что пришедшие к власти националисты будут их притеснять. В общем, определенный набор достижений у пришедших к власти народнофронтовцев был. Тем не менее постепенно начала выявляться социальная изоляция режима, отсутствие у него (несмотря на колоссальную «революционную толпу», сметшую Муталибова) прочной массовой базы.

А.Эльчибей ведет себя как вождь национально-демократической революции, которая должна вскоре охватить весь тюркский мир, и не боится бросить вызов могущественным врагам. Его ориентация — внешнеполитическая, идеологическая, культурная, — естественно, на Турцию и Запад, причем Турция для него — это западная демократическая страна в тюркском и мусульманском мире. При нем официально меняется название народа и языка — восстанавливаются старые названия «азербайджанский тюрок» и «азербайджанский тюркский», что, поскольку в азербайджанском языке нет отдельных слов «тюрок» и «турок», может быть понято и как азербайджанский «турок» и «турецкий». Он постоянно подчеркивал свои симпатии к Израилю и антипатии к фундаменталистскому Ирану, угнетающему южных азербайджанцев. Он

отказывался войти в СНГ, но выражал солидарность с российской демократией и даже считал своим долгом послать Ельцину, когда ему угрожал импичмент, телеграмму поддержки (в которой Ельцин вряд ли нуждался и которую он явно не оценил). О среднеазиатских режимах он не стесняется высказываться следующим образом: «...Через несколько месяцев растущее там народное движение сметет нынешнее руководство — сейчас невозможно задушить стремление народов к свободе», — и принимает у себя бежавших из Средней Азии диссидентов. И, не боясь дразнить Россию и проявляя «тюркскую солидарность», он посылает М.Шаймиеву в связи с принятием Татарстаном новой конституции длинную поздравительную телеграмму, в которой говорилось о колониальном угнетении, «героическом татарском народе» и о том, что «конец XX столетия знаменуется пробуждением и возрождением тюркского мира»...

Создается ощущение, что безусловные идеализм и искренность А.Эльчибея, помогавшие ему завораживать толпы, в какой-то мере привели его к утрате контактов с реальностью. Эльчибею, очевидно, грезилась общетюркская национально-демократическая революция. Но ее не произошло. Более того, не было и азербайджанской революции.

Реальная поддержка народнофронтовской идеологии была очень слаба. Массовая поддержка НФА не была связана с «западническим» вариантом национализма, она вызвана особой ситуацией, прежде всего — войной в Карабахе. Но даже и эта поддержка не была такой уж сильной и прочной. Азербайджан вспыхивал под влиянием толчков типа ходжалинского, и в этот момент народ мог свергнуть правителей и передать власть оппозиции (просто потому, что она оппозиция), но дисциплинированности, сплоченности, способности переносить тяготы во имя общенациональной цели в нем не возникало. Вспышки, которых уже было несколько, быстро гасли, и люди снова погружались в обычную жизнь маленьких кланов и локальных мирков, проявляя по отношению к новой власти уже не былой энтузиазм, а лишь безразличную лояльность.

Самые культурно вестернизированные (русифицированные) слои бюрократии и интеллигенции вовсе не приветствовали царство народнофронтовских «выскочек», с ностальгией вспоминали недавнее прошлое, когда управляли «компетентные» люди (слово «компетентность» становится в это время любимым словом бакинской элиты). Люди с московскими связями, тем более хорошо знающие русский и плохо — азербайджанский, тяжело переживали переориентацию на Турцию. А сами «выскочки», даже если они разделяли идеи Эльчибея, в большинстве оставались нормальными представителями своего общества. Может быть, даже психологически они были еще менее готовы жить в условиях демократии, чем многие отстраненные ими «партократы».

Упреки в новом авторитаризме раздаются со всех сторон. И в этих упреках есть своя правда. Так, лидеры НФА, собиравшиеся провести вскоре после президентских выборов выборы в парламент, затем стали тянуть с этим, предпочитая иметь дело с Национальным собранием, запуганные коммунистические депутаты которого проявляли полное послушание (так же послушны эти депутаты оказались силам, пришедшим к власти и в результате гусейновского путча). Но если в вопросе о выборах они перешли от активности к осторожности и пассивности, то с назначением новых людей эволюция была прямо противоположная.

Вначале народнофронтовцы крайне осторожно подходят к назначениям на посты в государственном аппарате. Выступая перед телезрителями по программе «Останкино» в начале июля 1992 года, А.Эльчибей говорит: «Мне хочется, чтобы вы поняли, что в Азербайджане не пришли к власти оппозиционные силы. Просто-напросто президентом избран представитель НФА и в руководящий эшелон назначено несколько новых людей. В государственном аппарате Азербайджана работает более 5 тысяч людей. Новых людей в нем всего 120». (На своем посту первоначально был оставлен даже премьер, назначенный Муталибовым во время его однодневного майского правления, Р.Гусейнов.) Но постепенно ситуация меняется. Скрытое противодействие, даже своего рода бойкот элитой народнофронтовского руководства заставляет Эльчибея и его команду все активнее производить смену аппарата. При этом, естественно, качество новых назначенцев снижается (на 120 должностей найти порядочных людей еще кое-как можно, но больше — сложно), а аппетиты растут. Постепенно стали сменять и назначать новых, как говорил, несомненно, преувеличивая, но преувеличивая, очевидно, реальные тенденции, Э.Мамедов, «даже до уровня бригадиров колхозов». Новые

назначенцы, естественно, начинают воровать и окружать себя «своими», так что смена людей на руководящих и выгодных должностях достигает геометрической прогрессии.

Возникает «снежный ком» — чем больше позиций занимают народнофронтовцы, тем более враждебной становится старая номенклатурная верхушка, естественно, сохраняющая влияние и значительную долю реальной власти. Но это влечет за собой новые отставки и назначения.

Если мы примем во внимание усилившуюся в НФА после прихода к власти внутреннюю борьбу, соперничество лидеров, часть которых просто перешла в оппозицию, часть — в полуоппозицию и все стали создавать свои собственные партии, так что число их перевалило за 50 и не иметь своей партии для политического деятеля стало просто неприлично, мы поймем, как стремительно стала уменьшаться поддержка Эльчибея и его команды.

Может быть, нигде все противоречия правления НФА не концентрируются с такой силой и не приобретают такой яркой и гротескной формы, как в деятельности И.Гамидова.

Несомненно, это честный и храбрый человек, преданный Эльчибею, страстный тюркский националист (он тоже создал свою партию, «Серые волки», имеющую связи с аналогичной пантюркистской организацией в Турции), теоретически, идейно — демократ и сторонник правопорядка. Он начинает «героическую» борьбу с мафиозными кланами, которая, однако, очень быстро вырождается в своего рода рэкет, ибо общество насквозь коррумпировано и законная борьба с коррупцией просто невозможна, да и у самого И.Гамидова, как и у других народнофронтовских лидеров, правосознание — свое, «азербайджанское». Поэтому он просто приходит со своими людьми (он сколачивает свой отряд, формально входящий в полицию, фактически — его личный) к известным миллиардерам и миллионерам и просит их отдать один из миллионов народу, то есть занимается «революционным рэкетом», играя роль азербайджанского Робин Гуда, ставшего министром внутренних дел. И.Гамидов, довольно популярный в народе, вызывает ненависть в бакинской элите и страх, что он в конце концов, опираясь на своих вооруженных людей, сможет стать «революционным диктатором» (И.Гамидов, однако, был в высшей степени предан А.Эльчибею и, похоже, к диктатуре не стремился). Эта атмосфера ненависти к самому яркому народнофронтовскому «выскочке», воплощению «возомнивших о себе хамов», проявляется в газетной травле, на которую он стал отвечать в своем духе — являясь с телохранителями в редакции и собственноручно избивая редакторов и журналистов. После таких походов он заявлял, что делал это не как министр, а как частное лицо, оскорбленный мужчина и обиженные могут подавать на него в суд. В конце концов под всеобщим нажимом А.Эльчибею, который явно этого не хотел, пришлось его сместить.

Таким образом, при все большем разочаровании народа, его усталости и возвращении в обычную азербайджанскую «дремоту» народнофронтовское руководство вызывает все большую озлобленность старой элиты. Возникает и все больше «новых» обиженных из бывших сподвижников. Складывается обстановка, все более благоприятная для заговора, детали которого, естественно, в тумане, но, если так можно выразиться, социальные контуры которого более или менее через этот туман проглядывают.

10

Мы показываем некоторую последовательность событий, многие переходные звенья между которыми неясны, но их общая логическая взаимосвязь очевидна. В феврале А.Эльчибей после неудач азербайджанской армии на севере Карабаха отстраняет министра обороны Р.Газиева и представителя президента в Карабахе полковника С.Гусейнова. Оба они — выдвиженцы НФА, но Газиев стал министром обороны еще при Муталибове. С.Гусейнов — директор ткацкой фабрики. Тут необходимо одно пояснение. Почему бизнесмены становятся видными командирами армии? Потому что проблемы ведения войны в Азербайджане — это прежде всего проблемы снабжения: вооружением, довольствием, русскими специалистами. И дельцы, способные наладить хорошие связи в России и на свои деньги вооружить людей (С.Гусейнов сам вооружил свой отряд), реально могли сделать для армии едва ли не больше, чем профессионалы, офицеры Советской Армии, которым тем более народнофронтовцы не доверяли.

При этом С.Гусейнов отказывается подчиниться приказу и уходит со своим отрядом в Гянджу, где расположена последняя на территории Азербайджана российская

воинская часть, которая должна быть выведена летом. Народнофронтовское руководство до ухода русских боится сунуться в Гянджу для разоружения Гусейнова, потому что может произойти какое-нибудь столкновение с русскими войсками, а это осложнение отношений с Россией и задержка в выводе войск. Но отряд у Гусейнова не такой уж большой, и особого беспокойства по его поводу А.Эльчибей и его окружение не проявляют.

Между тем Эльчибей продолжает чистку армейского руководства. В апреле арестовываются заместитель министра обороны при Газиеве Б.Назарли, начальник финансового управления министерства Т.Аббасов и начальник финансовой части Т.Мамедов. При этом изымается полтора миллиона долларов и 20 миллионов российских рублей. Это дает некоторое представление о том, какие состояния наживались на карабахской войне (и поскольку вооружение шло не из Азербайджана в Россию, а из России в Азербайджан, мы можем предполагать, что российские состояния — во много раз больше).

Очевидно, эта чистка — одна из важнейших причин свержения Эльчибея, ибо она затронула многие материальные интересы и лишила Эльчибея поддержки военных.

Через несколько дней после отстранения Гусейнова и его ухода в Гянджу, 12 февраля, происходит еще одно событие, все значение которого становится ясным лишь позже. Г.Алиев, совершает поездку в Баку и Москву. О чем и с кем шли переговоры в Москве, можно лишь гадать, а в Баку Г.Алиев встречался с А.Эльчибеем и после этого заявил, что все должны сплотиться вокруг законно избранного президента. Встреча должна была вроде бы положить конец периоду отчуждения или даже конфронтации между Алиевым и НФА, наступившей после неудачной попытки нахичеванского НФА отстранить его. А.Эльчибей даже сказал позже, что Алиев воплощает ту часть старой номенклатуры, которая приняла новые, демократические правила игры. (И здесь он попался в ловушку и продемонстрировал, что по части интриг со «старыми зубрами» ему не тягаться.) После встречи с Эльчибеем Алиев гулял по Баку и проверял свою популярность — выяснилось, что популярность есть, народ его приветствует.

Далее события разворачиваются так, что заставляют предполагать единый сценарий (хотя, конечно, утверждать это невозможно). 4 апреля начинается мощное наступление армян в Кельбаджарах, вызвавшее новые потоки беженцев. Очевидно, значительную роль в его организации сыграла Россия. Во всяком случае, когда по российскому телевидению была организована встреча азербайджанского и армянского представителей в Москве, азербайджанский, Х.Гаджизаде, заявил об этом, встретив со стороны своего армянского коллеги не возражение, а напоминание о том, что, когда летом 1992 года наступали азербайджанцы, помогала тоже Россия.

Если все предшествующие военные поражения Азербайджана вызывали митинговые страсти, на этот раз ничего подобного не было. Народ явно устал от всего и не был готов ни восставать против Эльчибея, ни защищать его. На всякий случай, однако, Эльчибей вводит чрезвычайное положение.

Ситуация между тем катастрофической еще не была. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, требующую ухода армянских войск из захваченных районов, и после долгих раздумий и терзаний даже армянские власти в Карабахе согласились с ней (в принципе). Эльчибей мог утешать себя тем, что военное поражение обернулось дипломатической победой.

Через некоторое время он предпринимает шаг, который, очевидно, нужно было предпринять задолго до этого. Он объявляет, что осенью будут выборы в парламент. Если бы он дотянул до осени и выборы действительно прошли бы, то положение его резко укрепилось бы при любом исходе выборов, ибо Азербайджан получил бы законченную систему легитимной демократической власти, ликвидировать которую было бы значительно труднее, чем свергнуть одного президента. Но естественно, что это решение вызвало панику среди депутатов — и членов Национального собрания, и партийно-хозяйственного актива, который был избран при Муталибове в Верховный Совет и при его самороспуске сохранил депутатские права (в том числе очень важное право депутатской неприкосновенности).

Катастрофа разразилась после того, как российская армия покинула Гянджу 28 мая (очень необычно для российской армии — раньше положенного срока). Естественно, тут же были посланы войска разоружить мятежного полковника. Но не тут-то было. С.Гусейнов оказался вооружен до зубов. Впоследствии русский посол в Баку, Шония, скажет, что российская армия передавала ему оружие не потому, что он мятежник, но потому, что он — полковник

азербайджанской армии. 4 июня происходит побоище, в ходе которого были убиты 21 человек и азербайджанская армия потерпела сокрушительное поражение. После этого в Гянджу приезжает правительственная комиссия, которую С.Гусейнов арестовывает.

После этого С.Гусейнов посылает отряд к Баку, который идет к столице, не встречая нигде никакого сопротивления, поскольку военное руководство заявляет, что в «братоубийственную войну» не вступит, требуя суда над виновниками гянджинской трагедии, отставки Эльчибея и созыва Верховного Совета (муталибовского). Идеология С.Гусейнова, если применительно к нему возможно такое слово, это идеология неопределенно «антизападническая», включающая какой-то свой вариант идеи не то империалистического, не то масонского заговора (во всяком случае, он говорил, что и Тер-Петросяном и Эльчибеем управляют одни и те же силы) и ностальгию по спокойным временам Советского Союза. Так как он выступает за муталибовский Верховный Совет, можно предполагать, что он — скорее за возвращение Муталибова, чем за Алиева.

В этой ситуации А.Эльчибей не находит ничего лучше, чем обратиться к Алиеву, фигуре очень популярной у всех его врагов, имеющей большие связи в России и вроде бы совсем недавно объявившей о своей лояльности президенту. Алиев приезжает 9 июня в Баку, и встреча его с Эльчибеем сопровождается поцелуем. После переговоров с президентом он тут же отправляется в Гянджу на переговоры с Гусейновым. О чем реально шли эти переговоры, можно лишь догадываться, но внешне они безрезультатны. Гусейнов непреклонен.

Далее происходит нечто, так и не получившее никакого вразумительного объяснения. 17 июня (через год после инаугурации) А.Эльчибей вдруг, ничего никому не говоря, улетает в Нахичевань, в свою родную деревню, из которой достать его довольно сложно. Создается впечатление, что ему угрожали кровопролитием в Баку и уговорили временно уехать, а пока тут без него разберется лояльный ему Алиев, который стремится только к внутреннему миру. Но как только Эльчибей уехал, Алиев заявляет, что он возмущен его бегством от своего народа. Национальное собрание, избавившееся от ужаса новых выборов, делает Алиева и.о. президента, а С.Гусейнов становится премьер-министром. Муталибовский Верховный Совет Алиев все же не созывает, и сам Муталибов, который начал проявлять какую-то активность (были сообщения, что он вернулся в Баку, но, очевидно, сообщения эти ложные), остался не у дел. Через некоторое время все это оформляется референдумом о доверии Эльчибею, давшим цифры, говорящие о полном отсутствии фантазии у его устроителей: 93% участвовавших, и 97% — за недоверие. Недолгий период азербайджанского демократического эксперимента кончился.

В июне 1992 года Объединенная Комиссия конгресса США по безопасности и сотрудничеству в Европе провела заседание, посвященное Азербайджану, на котором выступал побывавший незадолго до этого в Азербайджане сотрудник некоего американского Института текущих мировых проблем Т.Гольц. Он сказал: «Испытывая смешанные чувства волнения и удовлетворения при наблюдении за демократическим процессом, идущим в таком необычном для этого месте и при таких неблагоприятных обстоятельствах, я глубоко пессимистически отношусь к будущему правительства Народного фронта, так же как и к стабильности в Азербайджане...» Этой фразой, говорящей о безусловном уме и проницательности американского ученого, мы можем закончить изложение невеселых событий азербайджанской истории.

Мы останавливаемся в нашей попытке описать основные события современной азербайджанской истории на падении Эльчибея и приходе к власти Алиева, в конце определенного исторического цикла — подъема национально-демократического движения, его прихода к власти и его поражения и реставрации (как все реставрации в истории — частичной и неполной) власти «номенклатурной» элиты. Что будет дальше, мы, естественно, не знаем, но элементарная историческая логика говорит о том, что, очевидно, за первым циклом пойдет следующий.

Цикл этот не специфически азербайджанский, а, если так можно выразиться, «общепостсоветский». Как подъем национально-демократических движений шел единой волной по всему СССР, так и их спад, и новое усиление старой элиты — это тоже общий процесс, начавшийся в Грузии свержением Гамсахурдиа.

Но специфика прохождения этого общего цикла — своя, неповторимая, азербайджанская. Она настолько «своя», что функциональные аналоги в других странах, скорее всего, откажутся признать выполняющих сходную функцию азербайджанцев за «своих». Я не знаю, признал бы Ландсбергис в Эльчибее «своего», но Бразаускас наверняка отверг бы всякую аналогию с Алиевым. И действительно, аналогия здесь — очень узкая и ограниченная, ибо история отнюдь не сводится к циклу сначала победы радикальных выходцев из низшей интеллигенции над номенклатурой, затем — возвращения номенклатуры. В Литве мирная, конституционная победа Бразаускаса укрепила демократический процесс, в Азербайджане — разрушила его, открыв, очевидно, новый, типично «третьемировский» цикл диктатур, сменяющихся нестабильными и коррумпированными демократиями и другими диктатурами.

Демократия в Азербайджане не состоялась. Она ярко «вспыхнула» и быстро «погасла» (или быстро была погашена). Причины этого — в состоянии азербайджанского общества и специфике его культуры. Мощная идеологическая традиция, идущая от республики 1918—20 годов, традиция тюркизма и европеизма в сочетании со взбудоражившим общественное сознание внешним фактором привела к вспышке национализма и демократии, яркой, но непрочной, именно вспышке, а не переходу к независимому демократическому государству.

И все-таки нам кажется, что надо говорить не о невозможности победы демократии в Азербайджане после распада СССР, а лишь об ее малой вероятности. История всегда — один из бесчисленных возможных вариантов, и нам думается, что среди этих вариантов все же был вариант, по которому Азербайджан уже сейчас, на этом этапе своего развития, вышел бы на дорогу стабильного демократического развития, не прерываемого спазмами диктатур. Может быть, прояви Эльчибей больше активности в поисках мира с армянами в благоприятный для Азербайджана период, проведи народнофронтовцы выборы в Верховный Совет, наконец, просто не прояви они беспечности по отношению к Сурету Гусейнову и т.д. и т.п., история Азербайджана могла бы пойти иным путем. Прошлое не было полностью «запрограммировано», в нем лишь были более и менее вероятные варианты. Соответственно и будущее — открыто.